УДК 94(47).084.8
ББК 63.36
М 266

Н.А. Маркелов,
аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, тел.: +74997830264, e-mail: pl@balkan.ru

К ВОПРОСУ О МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОЛЯКОВ И БЕЛОРУСОВ НА БЕЛОСТОЧЧИНЕ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941-1944 ГГ.)

(Рецензирована)

Аннотация. Западная Белоруссия – полиэтнический регион, где на протяжении первой половины XX века продолжался конфликт между двумя основными народами: поляками и белорусами. Немецко-фашистская оккупация создала условия для развития и обострения межнациональных противоречий.

Ключевые слова: межэтнические отношения, Западная Белоруссия, Польша, немецко-фашистская оккупация, БССР, СССР, Великая Отечественная война.

N.A. Markelov
Post-graduate student at Foreign Languages and Regional Studies Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, ph.: +74997830264, e-mail: pl@balkan.ru

ON THE ISSUE OF INTERETHNIC RELATIONS BETWEEN POLES AND BELORUSSIANS IN THE BELASTOK REGION UNDER THE NAZI GERMAN (1941-1944)

Abstract. Western Belorussia is a polyethnic region, where the conflict between the two main peoples – the Poles and Belorussians was lasting during the first half of the 20th century. The German-Fascist occupation created conditions for the development and aggravation of interethnic contradictions.

Keywords: Interethnic relations, Western Belorussia, Poland, German Nazi occupation, Soviet Belorussia, USSR, Great Patriotic War.

Отношения между народами, традиционно проживающими на одной территории, – актуальный вопрос для современного мира. Культурные различия могут обогатить социально-экономическую жизнь региона или же стать основой межнационального конфликта. В современном мире, когда проблема этнической идентичности стоит особенно остро, представляет интерес изучение опыта взаимодействия народов в кризисных условиях, когда принадлежность к тому или иному этносу становится условием выживания. Такая ситуация сложилась на территории Западной Белоруссии в 1941-1944 гг., в условиях немецко-фашистской оккупации. Межэтнические отношения в этот период определялись политикой оккупационного режима,

с одной стороны, и историческими региональными особенностями – с другой. На протяжении первой половины XX века рассматриваемая территория часто переходила из рук в руки: до начала Первой мировой войны она входила в состав Российской империи, в 1915 была оккупирована немцами, с 1918 по 1921 годы регион охвачен гражданской войной, в которой за господство на территории соперничают Белорусская Народная Республика, Польша, Литва и Советская Россия, в 1921 году территория закрепляется за Польшей, в 1939 году входит в состав СССР, но в 1941 – снова оказывается под немецкой оккупацией. Подобная нестабильность (условность) государственной принадлежности определила специфику межнациональных отношений в регионе: местное население («тутэйшие») стремилось к объединению, в то время как новые жители – польские «осадники», советские «восточники», немецкая администрация – стремились к распространению в регионе мировоззрения того государственного образования, в составе которого оказывалась территория.

В основании идеологии Третьего Рейха лежала идея расового превосходства немцев, следовательно, национальный вопрос для оккупационных властей являлся ключевым. Еще в 1940 году рейхсфюрер СС Гиммлер, рассуждая о продвижении немецкого господства на восток, писал: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот – дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры» [1; 21]. Вероятно, реализацией этой модели объясняется дробление Западной Белоруссии, подчинение ее территорий различным немецким администрациям. Так, Гродненщина была разделена на три части. Наибольшее количество земель было включено в состав генерального округа «Белоруссия». Западные районы были присоединены к особому округу «Белосток», который находился в юрисдикции администрации Восточной Пруссии. Северные территории вошли в состав генерального округа «Литва». Подобное административное разделение цельного региона нарушало систему внутренних социокультурных и экономических внутренних связей, на рассматриваемом этапе уже значительно ослабленных переходным периодом советского времени 1939-1941 гг.

Исследование межэтнических отношений в период немецкой оккупации необходимо предварить введением еще одной этнической группы: фольксдойче, т.е. различных категорий этнических немцев, а также членов их семей и «расово ценных элементов». Представители этой группы составляли привилегированную касту, «местные немцы были приравнены к рейхсдойче и имели разные привилегии: специальные продовольственные и промтоварные карточки, лучшие квартиры, нераспространение на них законов относительно местного населения и т.д.» [2; 429]. Статус фольксдойче предполагал присвоение одной из четырех категорий: Volksdeutsche – немцы по национальности, активно сотрудничавшие с Третьим Рейхом еще до начала войны; Deutschstämmige – аполитичные представители немецкой национальности, воспитанные в традициях немецкой культуры, носители немецкого языка; Eingedeutsche – местное население немецкого происхождения, представители которого утратили немецкий язык и не были воспитаны в русле немецкой культуры; Rückgedeutsche – представители местного населения, считавшиеся

расово ценными, т.е. лица, включенные в IV категорию фольксдойче, могли не иметь немецких корней, но, имея соответствующую расовым представлениям Рейха внешность, могли получить определенные привилегии в процессе сотрудничества с немецкой администрацией [3; 202]. Последние две группы получали временное гражданство Рейха [4; 415] и должны были доказать свое право на принадлежность к титульной нации. Таким образом, когда в воспоминаниях жителей оккупированных территорий речь идет о галицийских поляках, подразумеваются фольксдойче II, III или, что менее вероятно в начале оккупации, IV категорий. Власть на восточных территориях могла быть сосредоточена в руках ***deutsche, пусть даже прежде считавших себя поляками или белорусами. Эта политика особенно ярко проявлялась в окрестностях Белостока.

Округ Белосток отличался от генерального округа Белоруссия тем, что вопросы межнациональных отношений в нём скрывались и нивелировались немецкой администрацией под предлогом того, что данная территория не являлась ни польской, ни белорусской, но исключительно германской. Тем не менее, в 1941 году на территории Гродненщины были объявлены два официальных языка – немецкий и белорусский, кроме того, в первое время статус официального языка сохранял и язык польский [5; 68]. В дальнейшем планировалось «онемечить» эту территорию и полностью инкорпорировать её в Третий Рейх. Процессы германизации шли постепенно: с 1 января 1942 года была введена в качестве единственного платёжного средства рейхсмарка; с 1 ноября 1942 года введёно немецкое гражданское и уголовное судопроизводство, с организацией на местах судебных учреждений по общенемецкой модели и их подчинением Апелляционному суду в Восточной Пруссии, с 1 мая 1943 года на территорию округа распространилось трудовое законодательство (для жителей немецкой национальности), а в ноябре 1943 года организован местный Гитлерюгенд. Однако, несмотря на всё это, административная граница между Третьим Рейхом и округом Белосток так и не была снята – для выезда требовалось специальное разрешение.

В первые месяцы немецкой оккупации состоялись чистки среди белорусского населения. В первую очередь, новая администрация была ориентирована на уничтожение коммунистического актива и убежденных сторонников советской власти. Эти задачи детерминировали широкое привлечение польского населения к управлению на белорусских территориях. Проводя такую политику, немецкие военные власти также хотели найти опору для своей власти в зажиточных слоях польского населения, создавая при этом внутринациональный конфликт среди поляков. Как пишет Е.Ф. Колубович, один из деятелей Белорусской Центральной Рады, коллаборационистской администрации, созданной немецкими оккупационными властями в пропагандистских целях, привлекавшейся для выполнения полицейских функций и обеспечения стабильности в регионе: «Во многих местах на смену большевикам пришли не немцы, а вновь поляки, которым удалось удержаться на этой территории при советской власти. Немецким военным властям нужны были люди, знающие местные условия, для самоуправленческого аппарата. Поляки эти условия знали и, кроме того, имели почти весь административный аппарат готовым» [6; 15]. Итогом данной политики в первые же дни стали многочисленные доносы и последовавшие за ними расправы с «представителями белорусской интеллигенции» и «сознательным деревенским активом». Тот же автор замечает, что немецкое

командование воспользовалось поляками, «которые предложили им свои услуги» [6; 21].

Таким образом, изначально немцы заняли позицию возвращения на свои должности лиц, занимавших их до сентября 1939 г., то есть преимущественно поляков. Связано это было с тем, что поляки Белосточчины, по донесениям Представительства Правительства на Родине, тайного высшего органа административной власти в оккупированной Польше, образованного в 1940 году польским эмигрантским правительством – Delegatura Rządu na Kraj, однозначно радостно восприняли приход немецких войск: «Общий тогдашний < после 22 июня 1941 г. > настрой среди польского населения это радость» [7; 90], и поэтому немецкая пропаганда, используя старые тезисы «польского мессианства», попыталась вовлечь поляков в борьбу против СССР как в новый «общеевропейский крестовый поход». На Белосточчине имели место расправы с коммунистическими функционерами, часто евреями и белорусами. Однако немецкие власти с самого начала старались проводить политику по принципу divide et impera – разделяй и властвуй – и вместе с поддержкой полиции, набранной преимущественно из поляков, начали целенаправленно формировать полицейские подразделения из числа попавших в плен белорусских красноармейцев. Данные формирования должны были служить сдерживающим фактором для польской полиции [7; 92]. Немецкая администрация позволяла действовать белорусским комитетам в сфере организации кооперации кустарей и организации курсов белорусского и немецкого языков, что укрепляло позиции белорусского населения Белосточчины.

Предпосылки для возникновения межэтнического конфликта кажутся очевидными, однако непосредственных столкновений между поляками и белорусами в регионе не происходит. Здесь необходимо сделать сущностное уточнение, охарактеризовав представителей противостоящих националистических элит. Вот как характеризует польский контингент Б.Ф. Колубович: «Большинство из них при этом происходило из Галиции, где в свое время [они] оканчивали австрийские школы и потому в совершенстве владели немецким языком» [6; 21]. Галиция – территория в юго-восточной части II Речи Посполитой, в начале Первой мировой войны входила в состав Австро-Венгрии. Эти поляки, проживавшие, по словам Б.Ф. Колубовича, на территории Западной Белоруссии, являлись уцелевшими «осадниками», убеждения которых существенно отличались от взглядов на межэтнические отношения местных поляков.

Белорусский контингент, пришедший на смену польской пронацистской администрации, состоял из приехавших «вместе с немецкой армией белорусами, ушедшими в свое время на Запад» [6; 21]. Эмигранты являлись непримиримыми противниками советской власти, а также сохраняли враждебность по отношению к «панам». Они утверждали, что «только сотрудничество с нацистской Германией может обеспечить белорусам лучшее будущее» [8; 187]. Отчасти это подтверждалось деятельностью оккупационных властей: положение национальных меньшинств (в том числе и белорусов) на бывших территориях Польши поначалу было значительно лучше, чем у представителей титульной нации. Б.Ф. Колубович пишет, что «при выдаче продовольственных карточек все национальные меньшинства, имеющие удостоверения своих национальных комитетов, получали рацион точно такой же, как и все немцы. Поляки получали продовольственный паек значительно меньший и получали его значительно позже» [6; 21]. После того

как с 1 сентября 1941 года на этих землях военно-оккупационный режим сменился тыловым, генеральный комиссар В. Кубе предпочел опираться на белорусов [8; 189], которых в Рейхе считали наиболее безопасным элементом [1; 124], в то время как к полякам относились весьма настороженно. Как отмечалось в немецких аналитических докладах, «по своей враждебности и ненависти к немцам их [поляков] можно сравнить только с евреями» [9; 95].

С осени 1941 года польская администрация во многих местах заменяется белорусской. Белорусификация местных органов оккупационной администрации имела значительный размах, уже к 1943 г. была заменена практически вся местная администрация от района и ниже, взято под контроль народное образование и увеличена доля участия белорусов в управленческом аппарате с 30 до 80% [10; 136-138]. В полной мере деполонизировать полицию так и не удалось, по данным 1943 года, доля представителей белорусского населения в полицейских формированиях составляла около 60% [10; 138]. Такую оценку даёт этим событиям историк Т. Пиотровский: «Борьба за придание местной администрации и полиции «белорусского вида» была кульминацией того белорусско-польского конфликта, который имел место на территории генерального округа в 1941-1944 гг.» [11; 86-88]. Однако в полной мере реализации конфликта не произошло, поскольку новая администрация не всегда находила поддержку у местного населения.

В период немецко-фашистской оккупации открытых столкновений между поляками и белорусами на территории Гродненщины не происходило, однако определенная межэтническая напряженность существовала. В ее основе зачастую лежали еще довоенные конфликты. Тем не менее, в условиях сопротивления общему врагу, поляки и белорусы оказались способны к организации эффективных совместных действий. Антифашистское сопротивление на Белосточчине развернулось в трех организованных формах: подпольные комитеты в городах, партизанские отряды, связанные с Красной армией, и формирования Армии Крайовой, действовавшие под руководством польского правительства, эмигрировавшего в Лондон после 1939 года.

Белостокское подполье состояло из местных жителей: белорусов, поляков, евреев, немцев. Они собирали и передавали разведданные, были проводниками, а также прятали враждебные оккупационной власти элементы: белорусов и раненых военных. Партизанские отряды образовывались из числа уцелевших солдат и офицеров 10-й советской армии и иных частей, в 1941 году принимавших участие в обороне Белостока. Сформированная из числа уцелевших в 1939 году польских офицеров Армия Крайова создана в феврале 1942 года польским эмигрантским правительством. Задачей партизанских отрядов, помимо освобождения региона от немцев, было восстановление советской власти, в то время как бойцы Армии Крайовой имели своей целью восстановление Речи Посполитой «от можа до можа», в границах Речи Посполитой 1772 года [12; 275]. Два этих направления борьбы вдохновлялись различными центрами. Взаимодействие между ними было неоднозначным: от совместных операций до открытой войны (1943-1944 гг.).

Подпольные ячейки Белостокского антифашистского комитета формировались по национальному признаку, однако весной 1943 года командование местной партизанской бригады создает в Белостоке «объединенный антифашистский комитет, куда вошли все подпольные группы Белостока: польская, белорусская, русская, немецкая ячейки

и еврейские девушки-связные» [13; 99]. Также необходимо отметить, что объединение в антифашистские группы по национальному признаку нередко инициировалось именно советским руководством. Так, в отчете о поездке на Украину советских партийных и военных деятелей содержится рекомендация относительно организации партизанского движения в Белоруссии: «выделение поляков из белорусских партизанских отрядов и формирование специальных польских партизанских соединений» [12, 278]. Антифашистская деятельность объединяла людей, заставляя временно забывать о национальных и политических разногласиях.

Необходимо при этом отметить, что антифашистские организации работали со всеми, передавая разведданные, снабжая солдат необходимыми припасами, медикаментами, документами и пр. Характерно, что среди поляков помощь советским партизанам оказывали даже бывшие «осадники». Например, объездчик Мацкевич, член советской партизанской бригады, утверждал, что «само польское население горит желанием борьбы с гитлеровцами. Даже зажиточная часть поляков (кулаки, помещики) готовы примириться с советской властью для борьбы с гитлеризмом» [12; 143]. Более того, «осадники», непосредственно связанные с деятельностью Армии Крайовой, оказывали материальную поддержку партизанским отрядам: «некоторые помещики, имеющие связь с этими организациями, даже передали хлеб и скот партизанским отрядам «Мститель» и «Борьба» [12; 143].

Как советские партизаны, так и Армия Крайова активно сотрудничали с местным Сопротивлением. Что касается взаимодействия между этими формированиями, противопоставленными по национальному и политическому признаку, то, несмотря на очевидные разногласия, случались и совместные действия против немецких оккупантов. «Отношение Армии Крайовой к советским войскам и партизанам было неоднозначным: от проведения совместных операций до открытых вооруженных столкновений» [13; 84], – пишет А.М. Шепелевич. Кроме того, в эти отряды принимали «поляков и русских (главным образом, военнопленных). Украинцев и белорусов не принимают, объясняют это тем, что многие из них работают в полиции» [12; 143]. Однако присутствие белорусского элемента в составе оккупационной полиции являлось лишь одной из причин: националистически настроенные поляки, входившие в состав Армии Крайовой, считали белорусов предателями, поскольку в 1939 году те поддерживали вхождение региона в состав БССР [14]. Это подтверждает неоднородность национального состава партизанских отрядов. Как отмечают В.П. Верхось и В.А. Неделько, «в партизанских формированиях Гродненщины, кроме белорусов, а их было большинство, были русские, украинцы, поляки, евреи, татары и представители других национальностей» [15; 11]. М.А. Шепелевич также подчеркивает, что, помимо русских и белорусов, к отрядам присоединялись также поляки и евреи, в том числе и переброшенные советским командованием из восточных районов [13; 96]. Поляков в партизанских отрядах Белоруссии насчитывалось 700 человек [12; 391]. Таким образом, деятельность соединений Армии Крайовой, в том числе и в сфере межэтнических отношений, определенно выражает взгляды части польского населения, однако отношения поляков и белорусов в рассматриваемый период были гораздо более многогранными и осложнялись не только немецкой политикой в отношении народов оккупированных территорий, но и национально-политическими противоречиями,

накопившимися в результате изменения государственной принадлежности региона.

Так, взаимодействие поляков и белорусов на территории Белосточчины осуществлялось в сферах сотрудничества с немецкой администрацией и организации антифашистского сопротивления. В первом случае очевидно открытое межнациональное соперничество, во втором – можно говорить о выраженной склонности к консолидации, несмотря на исторические противоречия (в первую очередь, вопрос государственной принадлежности территории после войны). Большинство активных сторонников немецкой администрации составляли среди поляков бывшие «осадники». Среди белорусов – эмигранты, целью которых было создание независимой Белорусской Республики.

Антифашистское сопротивление строилось по национальному признаку, это касалось как местных комитетов, так и вооруженных формирований – партизанских отрядов и Армии Крайовой. В партизанских отрядах формирование подразделений по национальному признаку было рекомендовано командованием, в том числе и по причине обоснованного недоверия к полякам. Тем не менее, существовали и смешанные партизанские отряды. Подразделения Армии Крайовой не принимали в свои ряды белорусов, обвиняя всю нацию в сотрудничестве с немцами, а также следуя указаниям эмигрантского правительства, линией которого был крайний национализм. Местное население, в первую очередь – польское, поддерживало любую антифашистскую деятельность. Так, городской комитет передавал информацию как партизанам, так и соединениям Армии Крайовой, а зажиточные поляки, в том числе из числа «осадников» и священнослужителей, снабжали партизанские отряды провизией.

Межэтнический конфликт поляков и белорусов на Белосточчине в условиях немецко-фашистской оккупации выразился в противостоянии националистических элит, как лояльных к оккупационной администрации, так и действовавших против нее. Можно, однако, утверждать, что большинство поляков и белорусов проявили склонность к консолидации, объединившись для борьбы с общим противником. Учитывая размытую государственную идентичность в регионе, подобный способ взаимодействия многонационального местного населения был наиболее эффективным методом выживания.

Примечания:

1. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941-1944: Документы и материалы. Минск: Беларусь, 1965. 464 с.

2. Соловьев А.В. Фольксдойче и их взаимоотношения с нацистскими организациями в Рейхскомиссариате Украины // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X международной конференции. 18-21 ноября 2003. М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2004. С. 426-433.

3. Gawryszewski A. Ludność Warszawy w XX wieku. Warszawa: Pan IG, i PZ, 2009. 417 s.

4. Воропаев С., Егазаров А. Энциклопедия Третьего Рейха. М.: Локид – Миф; 1996. 592 с.

5. Соболевская О.А. Западная Беларусь в условиях немецко-фашистской оккупации: этнический контекст (1941-1944) // Історичні і політологічні дослідження. 2011. № 1-2. С. 64-72.

6. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник // Сост. К.М. Александров. СПб: Скрипториум, 2011. 608 с.

7. Mironowicz E. Białorusini w Polsce 1944—1949. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. 489 s.

8. Романько О.В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941-1945. М.: Центрполиграф, 2013. 479 с.

9. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн.: Беларусь, 1993. 236 с.

10. Грыбоўскі Ю. Польска-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941-1944 гг.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2006. № 25. S. 116-167.

11. Piotrowski T. Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918-1947. Jefferson, NC: Mac Farland, 1998. 204 s.

12. Русский архив: Великая Отечественная. Том 14. СССР и Польша. М.: ТЕРРА, 1994. 492 с.

13. Шепелевич М.А. Путь девушки из Гродно: еще одно восхождение. Гродно: ЮрСаПринт, 2015. 216 с.

14. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г. – 1941 г. / склад.: У.І.Адамушка, М.Г.Жылінскі і інш. Мінск: Беларуская навука, 2009. 340 с.

15. Верхось В.П., Неделько В.А. Гродненщина в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.). Гродно: ГГАУ, 2009. 39 с.

References:

1. Prestupleniya nemetsko-fashistskikh okkupantov v Belorussii. 1941-1944: [Dokumenty i materialy / [Tsentr. gos. arkhiv Oktyabr'skoi revolyutsii i sots. stroitel'stva BSSR. In-t istorii Akad. nauk BSSR. In-t istorii partii pri TsK KPB-filial In-ta marksizma-leninizma pri TsK KPSS]; Predisl. I. P. Khovratovich i G.N. Shevela. Mn: Belarus', 1965]. 464 s.

2. Solov'ev A.V. Volksdeutsche i ikh vzaimootnosheniya s natsistskimi organizatsiyami v Reikhskomissariate Ukrainy // Klyuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev: materialy X mezhdunarodnoi konferentsii. 18-21 noyabrya 2003, Moskva. S. 426-433.

3. Gawryszewski A. Ludnosc Warszawy w XX wieku. Warszawa: Pan IG i PZ: 2009. 417 s.

4. Voropaev S., Egazarov A. Entsiklopediya Tret'ego Reikha. M.: Lokid – Mif; 1996. 592 c.

5. Sobolevskaya O.A. Zapadnaya Belarus' v usloviyakh nemetsko-fashistskoi okkupatsii: etnicheskii kontekst (1941-1944) // Istorichni i politologichni doslidzhennya. 2011 . № 1-2. S. 64-72.

6. Pod nemtsami. Vospominaniya, svidetel'stva, dokumenty. Istoriko-dokumental'nyi sbornik / Sost. K. M. Aleksandrov. SPb: Skriptorium, 2011. 608 c.

7. Mironowicz E. Białorusini w Polsce 1944-1949. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. 489 s.

8. Roman'ko O.V. Belorusskie kollaboratsionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941-1945. M.: Tsentrpoligraf, 2013. 479 s.

9. Turonak Yu. Belarus' pad nyametskai akupatsyyai. Mn.: Belarus', 1993. 236 s.

10. Grybouski Yu. Pol'ska-belaruski kanflikt u General'nai akruze «Belarus'» (1941-1944 gg.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2006. № 25. S. 116-167.

11. Piotrowski T. Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918-1947. Jefferson, NC: Mac Farland, 1998. 204 s.

12. Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. Tom 14 (3-1). SSSR i Pol'sha. M.: TERRA, 1994. 492 c.

13. Shepelevich M.A. Put' devushki iz Grodno: eshche odno voskhozhdenie. Grodno: YurSaPrint, 2015. 216 c.

14. «Ty z Zakhodnyai, ya z Uskhodnyai nashai Belarusi...». Verasen' 1939 g. – 1956 g.: dakumenty i materyyaly. U 2 kn. Kn. 1. Verasen' 1939 g. – 1941 g. / sklad.: U.I.Adamushka, M.G.Zhylinski i insh. Minsk: Belaruskaya navuka, 2009. 340 s.

15. Verkhos' V.P., Nedel'ko V.A. Grodnenshchina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1944 gg.). Grodno: GGAU, 2009. 39 c.